

Пролог,
*в котором с крыши
очень красивые виды*

— **П**равильно ли я понимаю, — прищурился Сигизмунд, — что ты собралась лезть на купол Исаакиевского собора? На ночь глядя. В самодельном платье из зеленой гардины. В туфлях на шпильках. Для того, чтобы там станцевать жаркое танго с юристом твоего так называемого возлюбленного?

— Да! — радостно кивнула я.

— А ты понимаешь, Евгения, насколько это поведение безответственно? — Когда Сигизмунд злился, в глазах у него появлялись зеленые молнии, а шерсть вставала дыбом и натурально искрила. Сейчас, по ощущениям, разрядов хватило бы, чтобы запитать электростанцию среднего размера.

— Ладно, — притворно вздохнула я. — Ты прав. Надену туфли без каблуков.

— Угу. Это, конечно, радикально изменит ситуацию.

— Конечно! Так у меня гораздо меньше шансов свалиться, чудом уцепиться за край крыши, болтаться там и испортить тебе мирный ночной сон...

Сигизмунд показательно закатил глаза.

— ...Ведь тогда твоему великолепному котейшеству пришлось бы организовывать спасательную операцию, пить валерьянку и волноваться.

— Делай как знаешь, — ледяным голосом ответил Сигизмунд, медленно встал и показательно удалился на балкон.

А я нарезала бутербродов, натянула платье — надо же его проверить в деле перед конкурсом костюма! — покрепче затянула шнурки на кедах и пошла.

— Ммммя? — спросила Джу, когда я зазвенела ключами, открывая дверь.

— Сегодня тебе придется остаться на хозяйстве.

— Мфффф! — мол, ничего себе заявочки. А если я не хочу?

Я присела на корточки, обняла Джу и нежно потерлась носом о серый полосатый лобик. Потом почесала ее за ухом и твердо сказала:

— Нет. Прости, сегодня я никак не могу тебя с собой взять. Там будет... неважно. Просто не хочу, чтобы нас рассекретили по всем фронтам. К тому же вон Сигизмунд в плохом настроении... надо за ним приглядеть и проконтролировать, — прошептала я и тут же оглянулась, не слышит ли Сигизмунд. А то за такую формулировку мог бы и лапой отшлепать, с него станется.

— Мрр, ну ладно, уговорила. Только возвращайся целой и невредимой, хорошо?

— Хорошо! — ответила я и побыстрее выскользнула за дверь, чтобы Джу меня не раскусила. Еще пару мгновений, и она бы точно почувствовала, насколько сильно я нервничаю.

Через час я забралась на купол Исаакия с последней порцией туристов. Отвела чужие взгляды в сторону, подобрала длинный подол платья и перелезла через ограждение. Так, еще несколько шагов вдоль парапета — только не смотреть вниз, только не смотреть! — завернуть за угол и устроиться в укромном закутке между строительными лесами. Вечно тут что-то улучшают, переделывают и восстанавливают... идеально для того, чтобы прятаться.

Ожидая наступления ночи, сначала я прочитала все мессенджеры и ленты друзей в соцсетях, этого хватило на пару часов. Потом достала из сумки маленький термос с чаем и бутерброд с колбасой. Откусила и зажмурилась от удовольствия. Вот почему иногда приходишь в дорогой пафосный ресторан, цены как в космосе, обслуживание такое, будто ты шейх арабский и Маргарет Тэтчер в одном лице, блюда сложные и вроде интересные... но все равно не цепляет? А тут докторская колбаса самая обычная, батон из супермаркета, чай из пакетиков... Однако вкусно до головокружения.

Наверно, все дело в декорациях.

На Петербург опускалась белая ночь. Краски вмиг поблекли и выцвели, а перистые облака стали серебристо-сиреневыми, как будто по небу проехала повозка призрачного цветочника, и он растерял по дороге все звездные ирисы. Здания теперь казались вырезанными из белой бумаги силуэтами. На них то тут, то там загорались янтарные ожерелья окон. Изредка сильный порыв ветра приносил мне обрывки разговоров и смех снизу, с тротуаров и набережных. В начале

июля Петербург не засыпает на ночь. Наоборот. Город просыпается, а мафия...

— Доброй ночи. — Вадим подкрался пугающе незаметно.

Я вздрогнула и уронила бутерброд. И почему-то ужасно расстроилась. Хотя расстраиваться надо было бы по совсем другому поводу.

Отряхнула пальцы от крошек и поднялась на ноги. Сдержанно кивнула, пытаюсь не показать волнения.

— Доброй.

— Скажите, Евгения, вы всегда назначаете встречи в таких... ммм, необычных местах?

— Не всегда. И не всем.

— Чем же я заслужил такую честь?

— Тем, что не задавали лишних вопросов и сумели сюда подняться.

— Но это было уже после приглашения...

— Я это предвидела.

— Надо же, — он усмехнулся. И я готова поклясться, в этот момент его глаза изменились: из темно-зеленых превратились в стальные, серые. Под цвет пыльных сумерек. — Так зачем я вам понадобился?

Я закусила губу. Пока еще не поздно отговориться, свести все к шутке, соврать...

— Мне кажется, что вы хотите меня убить. Я хочу знать, зачем вам это понадобилось.

Глава 1,
*в которой мы едем
вместо того, чтобы лететь*

С самого утра я проводила раскопки в шкафу. Уже успела добраться до третьего культурного слоя: вещей, о существовании которых еще помнишь, но уже смутно, смутно. Нет, я точно знала, что оно должно быть здесь! Такое потрясающее, зеленое и в цветочек, а еще к нему салатовые босоножки с бантиками... Ааа! Да куда ж они подевались!

— Женечка, — крикнули мне из коридора. — Ты знаешь, что Жучка снова жует бегонию?

— На здоровье, — буркнула я, остервенело закапываясь в джинсовые дебри. Та-а-ак, синие джинсы, еще одни синие, темно-синие с начесом, черные... О домовой! О божество этого шкафа! Ну дай же мне знак! Где мои летние шорты? Где мои художественно рваные сиреневые штаны?

Тут рядом кто-то весело засопел.

— Явился не запылится, — пробормотала я. — А раньше где был?

— Вообще-то запылится, — несколько обиженно ответил домовый и показательно чихнул. — В гости ходил.

— Нашел время.

— А вчера собрать вещи нельзя было?

Я возмущенно фыркнула. Как известно, заранее собираются слабаки. Истинные леди делают это в день отъезда, устраивая хаос и разрушение.

— Жень, с кем ты там разговариваешь?

— Сама с собой! — крикнула я в ответ, нащупала что-то похожее на шорты, рванулась на волю раз, другой и вывалилась из шкафа с победным воплем. Сверху упало еще две вешалки, три зимние куртки и пакет с отверженными вещами. Это те, которые давно пора отдать, но жалко, вот они регулярно и валяются всем на голову.

— Ого! — На пороге комнаты появилась Лара и застыла с выражением легкого ужаса на лице. — А... а ты что, на экзамен не идешь? Или...

Лара — это моя соседка по квартире.

Она страшная зануда.

Вечно копается в себе, думает, как бы поступить как правильно, если хочется поступать как хочется, не любит веселого движняка и принципиально не замечает ничего, что противоречит ее картине мира. То есть понятия не имеет, что в шкафу у меня живет домовой, что две наши кошки — настоящие волшебные фамильяры, а я умею летать на метле. Нет, Ларе все это не важно.

А вот какой-то дурацкий экзамен — это важно.

— Ой-ой, — я притворилась, что расстроилась. — Слушай, реально забыла. Думала, что он был вчера.

— Как он мог быть вчера, если ты на него не ходила?

— А вчера я думала, что он сегодня!

— Женька! Ты мне зачем зубы заговариваешь? — подозрительно прищурилась Лара.

— Чтобы они у тебя не болели!

— Так они и не болят...

— Это как раз потому, что я их заговариваю!

— Тьфу! С тобой невозможно...

Все, все так говорят. Что со мной невозможно серьезно разговаривать. Как будто «серьезно» — это какая-то высшая ценность. Как будто ее надо холить, лелеять, укладывать спать, уютно подтыкать одеялко и поить теплым молочком. Бррр. Уж лучше я домовому молочка налью. Он теплый, смешной и мило сопит. А «серьезно» как-нибудь без меня обойдется.

— Слушай, — я показательно тоскливо посмотрела на несобранный рюкзак. — Можешь сказать препода, что я заболела и сдам когда-нибудь потом? Ну, пожа-а-а-алуйста...

— Когда это «потом»?

— Когда вернусь из Питера.

— Так и сказать, что ты заболела и поехала туда лечиться?

— Ну, Ла-а-а-ар...

— Ладно, придумаю что-нибудь, — вздохнула она. — Ты действительно едешь в Питер?

— Угу. Скоропостижно. То есть внезапно. К сестре.

Нет, ежу понятно, что Лара обиделась. Мы обычно предупреждаем друг друга о своих планах заранее. От них же зависит вся эта дурацкая рутина... кто за свет заплатит, кто за воду, чья очередь уборку делать в эту пятницу... Чур, не моя! Но вчера Лара пришла поздно, а позавчера не до того было, а позапозавчера как раз позвонила сестра. И зашла с козырей...

Тут Лара еще раз скептически окинула взглядом разгром, царящий в моей комнате, и спросила:

— Надолго?

— Недели на две. Или на месяц. Как повезет... — я задумалась. — Ну, или всего на пару дней, а потом вернусь с позором. Это если не найдем общего языка с Сигизмундом.

— Сигизмунд — тот, который свежий муж твоей сестры? У него настолько тяжелый характер?

— Нет, — от этого предположения мне стало так смешно, что я даже икать начала. — Нет, ты что. Сигизмунд — это кот.

— Представляешь, — два дня назад моя сестра чуть не плакала в трубку. — Эта авиакомпания не разрешает брать домашних животных в салон. Причем, когда мы покупали билеты, я специально смотрела правила... Специально!

— И что?

— И они их обновили! Неделю назад!

— Вот гады, — сочувственно вздохнула я. — В багажном отсеке ты его, конечно, не решишься везти...

— В багажном отсеке? Трансатлантическим рейсом?!

— Тихо-тихо. Это было не предложение передумать, а констатация факта. А поменять билеты?

— Ни одного подходящего варианта! Я уже обыскалась. Мы ж и так летим с двумя пересадками: сначала в Мадриде, потом в Сантьяго. И впритык успеваем на острова... На даты раньше билетов нет. Позже... Никто нас ждать не будет. Это последний тур в сезоне.

— Да уж, — я посмотрела в потолок, вздохнула и пошла на кухню варить кофе, придерживая телефон плечом. — Твои разумные подружки небось сейчас обязательно бы заявили: «Вот видишь, сама судьба намекает, что Галапагосские острова — не лучшее место для свадебного путешествия. Все эти ужасные гигантские черепахи, дайвинг со скатами, лавовые туннели... Может, лучше в Париж?»

— Поэтому я звоню не им, а тебе.

— Логично.

— Придется все отменять. Переносить на осень. Или на зиму. Или неизвестно на когда. Артем и так чудом выкроил две недели на работе, а теперь не знаю...

— А что говорит сам Сигизмунд?

— Да как обычно! «Мяу» — и смотрит на меня так, будто все уже устроил наилучшим образом и можно ни о чем не волноваться.

Предлагать оставить кота одного в квартире я не стала. Даже с условием, что кто-нибудь будет каждый день заходить, кормить его и чесать за ухом. Я точно знала, что Инна не согласится. Во-первых, там такой характер, что можно прийти с кормом, а уйти с боевыми ранениями. Во-вторых, месяц назад, когда они только въехали в новую квартиру, в один прекрасный, то есть ужасный, день на Сигизмунда свалилась гардина вместе с карнизом, и вечером Инну встретил очень злой, но непобежденный котэ с ушибленной лапой. Гардину он распустил просто на лоскутки. Неизвестно, чего там было больше: злосчастной случайности или желания покататься на занавеске, но факт остается фактом. Теперь сестра боялась оставлять Сигизмунда одного надолго.

Кажется, пришла пора нам познакомиться поближе.

— Помнишь, я говорила тебе, что Питер — серая громадина на болотах и непонятно, как там вообще живут люди? — спросила я, наливая себе кофе и шаря по полкам в поисках печенья.

— Было дело.

— И что в туристический сезон там вообще сумасшествие, и на Невском хуже, чем в метро в час пик?

— Угу.

— И что никогда-никогдашечки не пойму эту тему с Северной Венецией, когда есть в мире Венеция нормальная?

— Ты к чему клонишь?

— Придется мне ехать к тебе и искать подтверждения всему этому. Буду мучиться бессонницей в белые ночи, шипеть на туристов и страдать. Ужасно страдать.

— Жень... ты серьезно?

— Серьезнее некуда. К тому же у меня есть пропуск.

— Какой пропуск?

— Пропуск в мир котовой благосклонности. Я привезу с собой Джу.

— Жучку? А ты уверена... что Сигизмунд ее примет? Как бы не пришлось их по разным комнатам закрывать...

— Сигизмунд — это ж патриарх. Мастоdont. Великолепный и великий. Ему обязательно надо кого-то воспитывать и чтобы им восхищались. Так вот. Джу это умеет лучше всех на свете.

— Ты уверена?

Я опустила взгляд. Под ногами у меня сидела Джу — или, если звать полным именем, Жучка Полосатыевна — и, буквально открыв рот, с искренним восхищением наблюдала, как я строю из печенья башню. В глазах ее читалось лишь одно: «Да, да, хозяйка, ты лучший строитель печеньеваых башен во всей Вселенной! Нет, во всех известных и неизвестных Вселенных, вместе взятых!»

— Уверена.

— Тогда приедешь хотя бы за день до нашего вылета? Я тебе все покажу, расскажу и...

— Приеду, — сказала я и протянула Джу кусок курабье.

Я действительно не люблю северные города. Страстного романа у нас бы точно не сложилось. Для меня они слишком мрачные, одноцветные, дождливые, темные. То ли дело южные! Краснодар какой-нибудь или Ростов-на-Дону! Или та же Москва. Они яркие, говорливые, суматошные, всегда немного безумные, абсолютно несдержанные... Я их очень хорошо понимаю. И люблю.

Но если присмотреться повнимательнее... Своя магия есть в каждом. Абсолютно особенная. Ее невозможно понять, когда приезжаешь туристом и шагаешься по улицам, разглядывая фасады, делая фотки и изучая советы бывалых путешественников, где тут вкусно поесть. Но если просто так выйти из дома и идти куда глаза глядят. Раз, другой, третий... Если прислушиваться к тому, о чем болтают домовые и феи, если выяснить, кто собирается на побережье в полнолуние, если посмотреть в колодец в час Быка и увидеть там потерянную звезду, можно узнать кучу всего интересного. И полезного.

В конце концов, в Питере есть редкие ингредиенты для зелий. И бесподобные булочки со сливками. Пожалуй, этих двух аргументов достаточно, чтобы начать собираться в дорогу.

И делать это, конечно, в самый последний момент...

...Мы выбежали на улицу, когда до поезда оставалось ровно сорок четыре минуты. Какой-нибудь японец в этот момент точно провалил бы мораль и решил остаться дома, раз нумерология против него. А вот мы с Джу сохранили самообладание и в итоге успели заскочить в вагон, когда «Сапсан» уже почти тронулся.

— Как так? — сказала я, пытаюсь отдышаться после забега по эскалатору, а потом по зданию вокзала. — Ну как так? Джу, ты размером с кота, а вешишь как кит! Ну... карликовый кит, предположим, но плечо у меня сейчас просто отвалится!

— Мяф! — ответила Джу и чихнула. Надо сказать, что даже чихать она умела с искренним восхищением.

К тому моменту, как я добралась до своего места в поезде, Джу уже удобно устроилась в переноске, прикрыла нос хвостом и заснула. За каких-то пять минут. Нет, все-таки у меня самое флегматичное в мире котэ. Самое сонное, плюшевое и невозмутимое.

Существует заблуждение, будто фамилльяр есть у каждой ведьмы в обязательном порядке. Черта с два! Большинство ведьм терпеть не могут, когда им сопят под руку, суют нос в котел с зельями или валяются на свежесобранных травах. Можно, конечно, любое живое существо запугать настолько, что оно будет ходить по струнке, или зачаровать так, что оно потеряет пол-

ностью свободу воли и будет просто красиво сидеть в уголке. Но, сорри, это уже нельзя назвать фамильяром. Это марионетка, кукла, пустая оболочка. Ее отличие от плюшевой игрушки лишь в том, что тешить жажду власти приятнее на условно живой твари.

Бррр. Никогда не понимала такого.

А у настоящего фамильяра есть характер, желания, маленькие — и большие! — придури, а также свое мнение почти по каждому вопросу. И, заводя его, стоит это учитывать.

Но я ни секунды не сомневалась, когда отправлялась за котенком. Терпеть не могу одиночество. Днем и ночью, утром и вечером, наяву и во сне мне нужен тот, с кем можно потрындеть о жизни. Подруги, друзья и любовники имеют предел прочности, так что необходимость фамильяра налицо.

С детства я привыкла, что всегда можно поболтать с сестрой. А когда выросла и научилась чують души, то поняла, что в одной из прошлых жизней она была кошкой. Так что вопроса о том, какое именно животное или птицу выбрать, тоже не стояло.

С первым фамильяром вышло... немного неловко. Пока кошка Мышка была маленьким неразумным котенком, она с удовольствием прыгала за бантиком на веревочке, гуляла со мной по крыше и слушала безумные истории. А вот когда выросла побольше, оказалась жутко скучной. Пихала меня лапой, когда я говорила глупости, бесконечно нудела, чтобы я обновила защитные знаки над дверью, строила возмущенные глаза при виде очередного горячего красавца, а потом научилась делать лапой фейспалм. Воу-воу. Еще поборницы морали мне дома не хватало!

Я уже начинала думать, что это такая специальная насмешка судьбы, проклятие, которое придется тащить через всю жизнь, гейс в виде укоряющей кошки... Но тут Мышка проявила мудрость и просто ушла к соседке по квартире.

И зажили они с Ларой в гармонии.

Занудные, как жвачка со вкусом скучной рутины.

Поэтому год назад второй раз закинул старик в море невод... то есть я пошла за новым котенком, а вернулась с Жучкой. Или сокращенно Джу. И зажили мы душа в душу. Она спит за двоих, восхищается за двоих, довольна жизнью за двоих, бранные слова не употребляет, ушки плюшевые, не фамильяр, а мечта. А главное, к ней можно прийти с любой идеей, и она ее одобрит.

Пошли ловить лягушек на болоте? — Мяф!

Давай есть жареных скорпионов? — Мяф!

Сейчас я испытаю на тебе новую притирку для красоты! — Мяф!

Если я отравлюсь, то противоядие во-о-о-он там! Мяф!

Давай придумаем шалость? — Мяф!

И так далее.

Лишь две слабости есть у Джу. Чужие комнатные цветы (чтобы их есть) и взбитые сливки (чтобы их жрать, урча и подрагивая, как мини-модель сливкоуборочного трактора). А, и еще она терпеть не может, когда на нее наезжают без повода. Или почти без повода.. В принципе, так же, как и я.

Вот как сейчас, например:

— Девушка, вы вообще о других людях думаете? Зачем вы мне под ноги свои вещи ставите?